

*Тайники
души*

*Читайте книги
Ирины Степановской*

ЖЕНИСЬ НА МНЕ

НА СКАМЕЙКЕ
ВОЗЛЕ НОТР-ДАМ

ТЕМ, КТО НЕ ЛЮБИТ

*Ирина
Степановская*

Тем, кто не любит

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С11

Художественное оформление серии *С. Власова*

Степановская И.

С 11 Тем, кто не любит : роман / Ирина Степановская. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Тайники души. Проза Ирины Степановской).

ISBN 978-5-699-61898-9

Поездка Натальи Нечаевой, молодого ученого-иммунолога, на конференцию в Санкт-Петербург кажется ее мужу странной. Подозрения вызывают и поспешные сборы, и забытый доклад, и старый кулон, валяющийся на постели... Вячеслав решает ехать вслед за женой.

Неожиданные обстоятельства, странное переплетение судеб и встреча с любовью, пронесенной сквозь годы, ожидают умных, гордых и таких почеховски несчастных героев в этом безумно красивом и торжественно-печальном городе.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-61898-9

© Степановская И., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Ранним утром ясного устоявшегося лета, когда уже бывает жаль, что бесповоротно отцветает в Москве сирень, но липы еще только собираются освятить ароматом бульвары, жители квартир подходят к раскрытым окнам своих домов, к растворенным дверям балконов, вдыхают наполненный ночной влагой воздух и, рассеянно поднося зажигалки к первым утренним сигаретам, потягиваются томно в солнечных лучах и шепчут, обращаясь неизвестно к кому:

– Как хорошо на свете жить-то, господи!

Потом закрывают окна, захлопывают балконы и уезжают кто куда по разным делам.

Собирался в это утро на работу и доктор-офтальмолог Вячеслав Сергеевич Серов. Его жена Наталья еще спала, уютно свернувшись под одеялом. Вставая, он внимательно посмотрел, не дрогнут ли ее ресницы, но, очевидно, утренний сон был более сладким и желанным, чем возможные ласки мужа, поэтому ее ресницы не дрогнули.

В кухне с уютным пофыркиванием струился кофе из верхней чаши автоматической кофеварки в нижнюю, и тостер собирался выплюнуть ароматный поджаренный хлеб. Вячеслав Сергеевич, закончив бритье, прошел из ванной

комнаты в кухню к окну, закурил и покрутил ручку радиоприемника. Солнечный луч обласкал его лицо, а из приемника раздалось негромкое сиплое бормотание, создававшее в квартире ощущение присутствия еще одного мужчины. Вячеславу Сергеевичу, стоящему спиной к проходу, показалось, что скрипнула дверь и зашумела в ванной вода, и голос жены будто бы спросил, не остыл ли кофе.

— Что-то ты рано встала сегодня! — крикнул он в сторону ванной.

— Забыла тебе вчера сказать, я уезжаю в Санкт-Петербург, — послышалось ему сквозь шум льющихся струй.

— Когда? — Вячеслав Сергеевич не мог скрыть изумления. Еще вчера ни о какой поездке и речи не было.

— Прямо сейчас.

— На самолете? — спросил из-за двери он.

— На машине.

Было слышно, как смолкла вода, и Вячеслав Сергеевич представил, как его жена нащупывает полотенце, висящее на зеркальном змеевике батарее.

— С чего это ты решила ехать? — Он даже забыл про тосты, и они так и остались остывать между металлических решеток.

— На конференцию. Уже давно пригласили сделать доклад, но, оказалось, факс где-то затерялся. Хорошо, что выяснилось это не тогда, когда конференция уже закончилась. Я решила поехать. Уже несколько лет не была в Питере.

Наташа выпорхнула из ванной, закутанная в розовый махровый халат, и Вячеслав Сергеевич не мог не отметить, что выглядела она в это утро прекрасно.

«Ох, не нравится мне что-то эта неожиданная конференция», — подумал он, но лишние вопросы в их семье с некоторых пор задавать стало не принято, негласное перемирие нарушать никто не хотел, и Вячеслав Сергеевич промолчал. Пока жена собирала сумку и рылась в лекционных бумагах, он без аппетита поел в одиночестве, выпил уже остывший кофе и уехал на работу. За приемом, осмотром и выпиской больных время пролетело незаметно, и когда он вернулся домой, то обнаружил в мусорном ведре только обрывки бумаг, на кухне нетронутую чашку кофе, а на кровати серебряный кулон в виде распущенного тюльпана и несколько CD-дисков.

Музыку, что ли, будет слушать? — удивился Серов. Обычно его жена не любила шума и ездила не разговаривая, не включая приемник, думая о чем-то своем.

— Почему ты всегда молчишь? — как-то спросил он.

— Во-первых, не люблю за рулем отвлекаться, а во-вторых, обдумываю дела, — ответила она.

— Так ведь до тебя не дозвонишься, — не понимал он.

— Ничего, раньше без мобильных обходились.

Его жена действительно не любила мобильники — не относилась к людям, которые разговаривают часами и существование без телефона не могут себе представить.

Сейчас Вячеслав Сергеевич прошел по квартире, открыл платяной шкаф жены. Взяты были только темный брючный костюм, очевидно, для конференции — он был ей очень к лицу, — свитер, светлые брюки и легкая куртка.

«Она же не сказала, когда вернется», — подумал он.

На подзеркальнике в прихожей лежали листы бумаги в файловой папке с каким-то отпечатанным текстом. Рас-

сеянно он взял папку в руки. Всмотревшись, вчитался в название. Тихонько присвистнул.

«Да она забыла свой доклад! — еще больше удивился он. Машинально он схватился за телефон, набрал Наташин номер. — Конечно, недоступна... Ну, материал, конечно, она знает и без этих листов, но сам факт... и что за манера отключаться, когда уезжаешь...» — Серов задумался. Потом решил выбросить эти мысли из головы: «Ну, торопилась почему-либо и забыла, с кем не бывает».

Наспех прибравшись в квартире, он вытащил записную книжку и набрал известный ему номер.

— Ма-ри-ноч-ка! — нараспев произнес он. — Не поможешь одинокому мужчине по хозяйству? Я опять одинок, позаброшен... В общем, лишен женской ласки.

Ответ Марины прошелестел ласково, как майский ветерок. И на целый вечер и последовавшую за ним ночь Вячеслав Сергеевич позабыл в жарких объятиях подруги о своих сомнениях насчет поездки жены.

Автострада М10 от века соединяет Москву с Северной столицей, но водителям бы хотелось, чтобы дорога эта была сделана получше. Местами узкая, скучная и равнинная, она не радует путников ни особенной красотой окрестных мест, ни хорошим покрытием трассы. Наталья Васильевна Нечаева, а именно так звали нашу героиню — женщину самостоятельную и поэтому пожелавшую сохранить девичью фамилию в обоих своих браках, двигалась по трассе в сторону Петербурга, автоматически и без напряжения управляя сво-

ей верной, но, к сожалению, не очень уже новой машиной. Как было обозначено в паспорте машины, мощность двигателя составляла около ста лошадиных сил, а цвет назывался красиво — «спелая вишня». Из собственного же паспорта Натальи Нечаевой следовало, что недавно ей исполнилось тридцать восемь лет, была она уроженкой города на Волге. А с черно-белой официальной фотографии, наклеенной на второй странице, внимательно и спокойно смотрела красивая темноволосая женщина.

Наташа любила свою машину — с места трогалась аккуратно, лишний раз старалась чрезмерно не газовать, чтобы не забросило свечи, наблюдала за показаниями тахометра, отслеживая количество оборотов в минуту, а тормозить предпочитала двигателем, плавно подкатывая в потоке других машин на запрещающий сигнал светофора. Визг тормозов неприятно резал ей слух, и те, кто предпочитал постоянно тормозить таким способом, как водители у нее уважения не вызывали.

Расстояние примерно в семьсот километров она преодолела за десять часов с одной остановкой для того, чтобы умыться у колонки, смочив водой носовой платок, выпить кофе в придорожном кафе и съесть сдобную булочку с треугольничком плавленого сыра. И почти половину проделанного пути в динамиках магнитофона ее машины звучала всего лишь одна мелодия, благо техника теперь позволяла не перематывать пленку взад-вперед. И эта мелодия, благодаря определяющему влиянию скрипок и виолончели, была тягучей и сладостной, будто свежий июньский мед с альпийских лугов. Она повторялась беспрерывно, накатами вниз, будто луга переходили в леса, а леса спускались

к морю. И морские волны уже днем и ночью набрасывали пену на поросшие соснами прибрежные скалы.

Когда Наташа, уже подъезжая, миновала один за другим повороты на Павловск и на Пушкин, ей стало казаться, что возвращается она в родные места, настолько знакомыми с детства ей были эти названия. В Питере когда-то учился ее отец. Сюда же он часто привозил ее вместе с мамой в гости к друзьям. И все эти места были исхожены и изъезжены вдоль и поперек. Потом друзей его молодости стало оставаться все меньше, а сама Наташа выросла и стала ездить в Питер по важным делам — то на конференции, как сейчас, а то на собрания научных обществ.

Как было бы здорово купить в Царском Селе крохотную квартирку и приезжать сюда раз в несколько месяцев только для того, чтобы гулять по парку. Наташа подумала, что вся их семья именно это место любила больше, чем шикарный и слишком помпезный Петергоф. Но потом она с щемящей грустью вспомнила, что у ее мамы теперь болят ноги и поэтому она не любит много ходить, а отец, уже давно пребывая на пенсии, большую часть времени проводит на даче. Ее же собственная дочка в первую очередь озабочена романом с молодым человеком и поэтому на все смотрит чужими глазами и совершенно равнодушна к красотам ландшафта, а муж, будучи коренным москвичом, из какого-то странного чувства соперничества не любит город на Неве. А для себя одной покупать квартиру...

По учатившемуся мельканию огней, по частому чередованию ответвляющихся от основного шоссе дорог, зеленых массивов и группам больших домов Наташа поняла, что она уже в городе.

«Сейчас, как только выведу на Московский проспект, остановлюсь передохнуть на пару минут. Заодно посмотрю карту», — подумала она, так как ей предстояло еще пересечь с юга на север чуть не весь город. Хотя все приглашенные на конференцию должны были разместиться, как водится, в одной гостинице, Наташа решила ехать на север, на Черную речку, — туда, где жили они втроем, с отцом и мамой, когда приезжали одной семьей еще в Ленинград на экскурсии. Ей даже казалось, что сами стены домов в том районе хранили тепло ее детства.

Тут Наташа вспомнила, что в Москве, в ближайшем к ее дому Кузьминском парке, она гуляла в последний раз уже года три, наверное, назад. Тогда девушку как раз сопровождал смешной молодой человек из ее лаборатории — Женя Савенко. А с тех пор ей было некогда туда даже заглянуть — из дома прямо в институт, из института — домой, или в командировку, или отдохнуть. Дочка теперь живет отдельно, но тревог по этому поводу не убавилось... Катерине всего-то семнадцать лет. Боже, какая легкомысленная... Неужели она была такая же в этом возрасте?

Дочкиному кавалеру тоже едва исполнилось девятнадцать. Какой-то придурок. Но Катя сказала, что любит его до смерти, и ушла к нему жить. И ничего нельзя сделать... Интересно, чья это была идея — уйти из дома. Неужели Катькина? Что, ей было плохо? Вот она, Наташа, с родителями жила до тридцати лет. И до сих пор об этом не жалеет. Спокойно, уютно. Мама всегда накормит, с папой — можно поговорить... Но, конечно, сейчас не так, как раньше, и Славик Катерине все-таки не родной отец... Но ведь он девочку с семи лет растил...

Наташе вспомнился эпизод их семейной жизни. Она тогда как раз вернулась из командировки в Прагу. Прелестная тогда была поездка... Весной, тоже в мае, два года назад... Но Наташа отогнала от себя эти воспоминания, сосредоточившись, влилась в мчащийся поток машин и въехала на площадь Победы. Миновав обелиск, она перестроилась в крайнюю правую полосу и остановилась. Московский проспект расстился перед ней. Само название, горевшее на указателе дороги, почему-то показалось ей дорогим. Как ни любила Наташа Питер, последние годы все яснее ощущала себя жительницей Москвы. Родной приволжский город постепенно стирался из памяти. Так полотно старого мастера постепенно закрашивается стараниями его более молодых и решительных потомков.

Наташа размяла руки, уставшие держать руль, причесалась, посмотрела на себя в зеркало и осталась в целом довольна. Усталость от долгой езды выдавали только тени под глазами, а так — очень даже приятный вид.

«Позвонить сейчас, что ли?» — подумала она с неожиданной усмешкой. Опять возникло это наваждение. Снова захотелось увидеть того, кто был ей в принципе неприятен. Захотелось узнать, как идут дела у того, про кого уже много лет она думала не с сожалением, а с равнодушием и тщательно подавляемой горечью. Наташа достала записную книжку, но не стала открывать, а попробовала вспомнить номер, который когда-то помнила наизусть.

Ничего не получилось. «Это склероз», — усмехнулась она и решительно раскрыла книжку на букве А.

Алексей.

Наташа посмотрела на ряд цифр и обнаружила, что совершенно не взволнована.

«Позвоню, но не сейчас», — она закрыла книжку. Да и совершенно не факт, что надо обязательно звонить. Она еще посидела немного, отдыхая. Опять откуда-то из глубины сознания появилось отвратительное воспоминание, почти кошмар — чья-то знакомая фигура, стоящая в темноте, чье лицо всегда оставалось неразличимо. То ли кошмар этот был из сна и повторялся потом наяву, то ли она действительно видела когда-то что-то подобное и забыла об этом. Но человек, смотрящий на нее из темноты с угадывающейся усмешкой, с какой-то немыслимой, непонятно чем вызванной недоброжелательностью, был страшен ей до тошноты. Она никогда не могла понять — кто же он, кто скрывается от нее столько лет. Казалось, стоит только осветить эту фигуру, и Наташа узнает этого человека, определит ему место в своей жизни, и тогда мучительный кошмар рассеется.

Видение человека во тьме исчезло. Женщина решительно тряхнула головой.

Мне нужно в гостиницу. Завтра доклад, я должна выспаться. Она проверила маршрут по своей старой карте, вспомнила дорогу, спрятала расческу и быстро влилась в общий поток машин. И когда через несколько минут пересекла набережную Обводного канала, то поняла, что уже съехала с «большой земли» на острова, а, следовательно, дальше перед ней замелькают в вечерних огнях Фонтанка и Мойка, пахнет ароматом мазута и моря Невы, а потом уже появятся и любимые с детства места — Большая Невка, Карповка, Ушаковский мост...

Наталья Нечаева больше всех других мест любила Петроградский район. На Аптекарском острове жил когда-то товарищ ее отца, а на острове Каменном в военном санатории они любили отдыхать всей семьей. И самое лучшее время было такое, как сейчас, когда цвела липа, отцветала сирень, и над городом плыли белые ночи.

Гостиница оказалась небольшая. Бронь была оставлена, как полагается, администратор, женщина средних лет, — сама любезность. Наташа завела машину во двор — типичный ленинградский мешок из камней и асфальта, с одной стороны, правда, росли две старые липы.

«Ладно, умоюсь и позвоню домой», — подумала она, втаскивая в лифт полупустую, но объемистую сумку. Распаковка вещей заняла три минуты.

«А где же доклад?» — удивилась Наташа и снова проверила сумку. Доклада не было. Кулема, неужели оставила? Она достала мобильный телефон. Длинные телефонные гудки зазвучали в ухе. Она звонила на домашний номер. Никакой трагедии, конечно, но хотелось бы все-таки посмотреть перед сном доклад — освежить в памяти. И даже просто интересно — неужели действительно склероз? Куда она его все-таки задевала? Но вдруг вместо Славика послышался абсолютно незнакомый женский голос. Наталья Васильевна растерялась. Может, ошибка соединения?

— Попросите, пожалуйста, Вячеслава Сергеевича к телефону. — Она и сама не могла понять, почему она все-таки так сказала.

— Он сейчас не может подойти, он в ванной, — легко ответила незнакомка. И поинтересовалась в свою очередь: — А может быть, что-нибудь передать? Кто его спрашивает?

Наталья Васильевна сделала недолгую паузу.

— Скажите, жена.

В трубке что-то ойкнуло, но Наташа уже отключилась. Она даже порадовалась, что в сравнении с этим ойканьем ее собственный голос прозвучал вроде бы абсолютно спокойно, но тут же через секунду навалились на нее сразу и усталость, и голод, и досада на то, что доклад остался черт знает где, и самое главное — страшная тоска, соединенная с отчаянным чувством, что жизнь совершенно не удалась.

Остаться в номере казалось невыносимым. Надо что-то поесть или выпить. Не захотелось спускаться в лифте — в узкой коробке с закрывающимися дверями, казалось, не хватало воздуха. Наталья пошла пешком.

Женщина-администратор, только что заносившая в свой компьютер Наташины данные и, как все женщины, сравнивавшая ее внешность и возраст со своими, была удивлена, насколько хорошо выглядит Наташа. Теперь же она не без удовлетворения отметила и устало опущенные плечи, и горькую складку у рта. И, как ни странно, от этого прониклась к новой постоялице участием.

— У вас ничего не случилось? — крикнула администратор от своей стойки. Вестибюль гостиницы был настолько маленьким, что все передвижения в нем оказывались видны как на ладони. Внутренняя дверь в ресторан вдруг открылась, и официантка побежала зачем-то в служебную комнату. Запах еды показался Наташе тошнотворным.

— Нет, ничего, спасибо, — сказала она и пошла наверх.

Администратор смотрела на нее с удивлением.